

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

Орган Кемеровского областного и городского комитетов КПСС,
областного и городского Советов депутатов трудящихся

№ 167 (8153).

Пятница, 16 июля 1954 г.

Год издания 33-й

Цена 20 коп.

А. П. Чехов в Томске

Вечером 15 мая 1890 года к двухэтажному каменному зданию томской гостиницы «Европа» под'ехал забрызганный грязью тарантас. Из него вышел высокого роста мужчина, одетый в полушубок, изпод которого виднелось кожаное пальто.

Это был Антон Павлович Чехов.

Шли глухие годы реакции. Под'ем революционной волны сменился спадом. Лучшие представители интеллигенции сгибались под гнетом жестокой действительности. Гибли талантливейшие писатели. Сошел с ума Глеб Успенский. Всеволод Гаршин, тот, кто одним из первых приветствовал чеховский талант, покончил с собой, бросившись в пролет лестницы.

Чехов ехал на Сахалин. Незадолго до поездки он писал редактору петербургской газеты «Новое время» Суворину: «Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятка тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных, красноносых смотрителей».

В этих словах звучал гневный мотив, толкнувший Чехова поехать на Сахалин. Поездкой на места «невыносимых страданий» он хотел заплатить долг своей совести русского писателя.

Сибирь встретила Чехова очень неприветливо. Казалось, сама природа решила всячески затруднить его поездку. Железная дорога кончалась у Тюмени, и дальше он ехал на перекладных. Весна выдалась необычайно поздняя. Сначала писателя мучил холод, а потом грязь и бездорожье. В похожем на клетушку тарантасе Чехов не ехал, а, как он говорил, «полоскался» по бесконечному сибирскому тракту. Чехов был очень утомлен. Под Томском с ним чуть не случилось несчастье. В сорока пяти верстах от города писателю сказали, что река Томь разлилась и затопила луга и дороги. Пришлось в страшную непогоду ехать на лодке, которую едва не захлестнуло волной.

В Томске Антон Павлович снял в гостинице «Европа» небольшой номер. Ящик занес в комнату огромный, похожий на сундук, чемодан. Смеркалось. Лакей зажег свечи.

Антон Павлович попросил принести кофе. В окно барабанил дождь. Ветер проник в щели форточек.

Лакей принес кофейник, молоко и несколько номеров местной газеты «Сибирский вестник». За просмотром газет состоялось первое знакомство писателя с городом.

Чехов читал:

«Грязь по улицам, развлечений — никаких. Тоска. А где тоскливые люди, где нет никаких общественных вопросов, там всякую мелочь и выдумку делают приспешившим. Досужий говорун пустил рассказ о том, что Красноярск горит. Томичи подняли переполох, панику, а Красноярск гореть и не думал. Так мы живем и развлекаемся».

Содержание многих заметок можно было узнать по красноречивым заголовкам: «Фальшивомонетки», «Винная торговля без патента», «Дикие нравы», «Светлой памяти купца Федотова», «Двухсотый раз о тротуарах», «Принос иконы», «Утопили в вине».

Под рубрикой «фельетон» был напечатан стишок:

«Спит томич в беспечной лени
Возлюбивши тьму.
Только жирные пельмени
Грезятся ему».

В информации о погоде говорилось: «В ночь с 11 на 12 и с 12 на 13 мая — шел снег. Снег шел и всю ночь на 14 мая и настолько сильный, что утром весь город и крыши домов были покрыты снежной пеленой».

Чехов приподнял оконную штору. Дождь все еще моросил. Сквозь грязные потоки на стекле чуть виднелся розовый ореол уличного фонаря. В соседнем номере играли на гитаре.

Утром 16 мая Антон Павлович сел за письмо к сестре, которое начал писать еще под Томском в селе Яр, в ожидании переправы через реку. Он делился дорожными впечатлениями.

«Мелькают верстовые столбы, лужи, безрезнячки. Вот перегнали переселенцев, потом этап. Встретили бродяг с котелками на спинах. Эти господа беспрепятственно прогуливаются по всему тракту».

«Пьешь чай и разговариваешь с бабами, которые здесь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы. Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири

лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливой землей».

В дверь номера постучали. Вошел лакей и доложил:

— Вас хочет видеть редактор газеты «Сибирский вестник» господин Картамышев.

Чехов наклонился над письмом, улыбнулся и приписал:

«Стоп. Нельзя писать: пришел знакомиться редактор «Сибирского вестника» Картамышев, местный Ноздрев, пьяница и забулдыга».

Писатель был осведомлен о редакторе-издателе «Сибирского вестника» еще в Петербурге. Картамышев в свое время был присяжным поверенным в городе Киеве. Потом, совершив какой-то неблагоприятный поступок, исчез с киевского горизонта. В 1881 году он прибыл в Томск и стал именоваться «первым присяжным поверенным города». Случайность дала Картамышеву возможность получить с одного выгодного дела сразу сорок тысяч рублей, и он стал издавать свою газету.

Чехов знал, что он встретится с Картамышевым. Еще за несколько дней до отъезда из Москвы он писал Суворину: «Телеграфировать Вам буду непременно, чаще же буду писать. Адрес для телеграмм: Томск, редакция «Сибирский вестник», Чехову».

Картамышев, как и многие адвокаты того времени, был болтлив и бесцеремонен. Он хлопал писателя по плечу, распоряжался его табаком, попросил принести пива. Охотно рассказывал о Томске.

В городе сорок тысяч жителей. Двадцать семь церквей и четырнадцать школ. Триста двенадцать купеческих лавазов и две фабричные трубы. Семинария, епархиальное училище и ни одной воскресной школы для рабочих. Около ста кабаков и одна библиотека. Только что открытый университет редактор называл «будущим рассадником крамольных мыслишек».

Говоря о себе, Картамышев жаловался на большую служебную и общественную загрузку.

— Я, Антон Павлович, как Фигаро. Картамышев — за редакторским столом, Картамышев — у адвокатской конторки, Картамышев — в кресле гласного городского думы...

— На скамье подсудимых, — подсказал Чехов.

Реплика соответствовала действительности. Не проходило месяца, чтобы редактора не привлекали к ответственности за клевету в печати. Предприимчивый адвокат широко использовал газету в интересах своей адвокатской деятельности.

— Горим, но не сгораем, — открывничал Картамышев. — Прикажете, Антон Павлович, подать еще пива. Выпьем за ваш талант и приезд в Сибирь кандалыно!

Местный Ноздрев распрощался далеко за полдень. Хозяин номера опять сел за письмо.

На пожарной каланче пробило пять часов. Чехов оделся и пошел искать кухмистерскую «Славянский базар». Картамышев говорил, что это единственное место в Томске, где можно получить приличный обед.

По небу гуляли свинцовые тучи. Прохожие утопали в грязи. Две недели назад город сильно пострадал от наводнения. И сейчас еще вода в Томи и на Ушайке была высокая.

У думского моста — вереница нищих. Городовой тащит в участок подгулявшего мастерового. Обдавая публику грязью, летит купеческий рысак. Ветер скрипит ржавыми вывесками.

На заборе, у здания мещанского общества, Чехов заметил большую афишу. Афиша гласила, что в театре купца Королева местными любителями «разыгрывается» комедия Чехова «Предложение».

Вечер Антон Павлович провел за просмотром своего путевого дневника. Записи были сделаны наспех, карандашом и требовали большой правки и комментариев. У писателя явилась мысль приготовить их для печати.

Перед сном опять взялся за письмо к родным. По объему оно уже напоминало целую тетрадь. Мысли излагались не по порядку, а вразброд.

«Простите, — писал Антон Павлович, — что письмо похоже на винегрет. Нескладно. Ну, да что делать? Сидя в номере лучше не напишешь. Извините, что длинно. Я не виноват. Рука разбежалась, да и к тому же хочется подольше поговорить с вами. Третий час ночи. Рука утомилась. На свечке нагорел фитиль, плохо видно».

На другой день Чехов отправился с визитом к своему московскому знакомому, недавно переехавшему в Томск, — архитектору Сергею Михайловичу Владиславлению. Погода была попрежнему отвратительная. Шел дождь вперемежку со снегом.

Предстоящая встреча с Владиславлением будила у писателя воспоминания о летних солнечных днях, проведенных им в имении

Киселевых «Бабино», близ городка Воскресенска.

Чехову было тогда двадцать шесть лет. Он приобретал известность. Антон Павлович очень любил бабкинские места. Вместе с ним там гостил художник Левитан. По вечерам в бакинском доме слушали романсы — их пел известный тенор Владиславлев — отец Сергея Михайловича.

Возвращаясь от Владиславлева, Чехов, несмотря на непогоду, приказал извозчику остановиться возле строящегося дома губернатора. Его внимание привлекли арестанты, засыпающие мусором болото, расположенное рядом со строительством.

Люди в промокших серых халатах работали почти по колено в воде. На их бледных, испитых лицах лежала печать полного безразличия. Сброшенный с носилок мусор плавал по грязной, вонючей жиже и не хотел тонуть. Чехов впервые вочую видел каторжный труд.

Восемнадцатого мая в газете «Сибирский вестник» была напечатана информация о приезде в Томск Чехова. С этого дня к нему началось паломничество.

Первым порог номера переступил молодой акцизный чиновник. Он заявил, что очень рад познакомиться и выпить рюмку водки с автором пьесы «Предложение», в которой он — акцизный чиновник — с большим успехом исполняет роль Степана Степановича Чубукова.

Потом пришли сотрудники газеты «Сибирский вестник». Говорили комплименты и пили пиво. Явился «засвидетельствовать свое почтение» и «минутку посидеть» сосед по номеру. Его сменил учитель местной гимназии.

«Томск скучный город, — писал на другой день Антон Павлович сестре. — Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, и по тем умным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучайшие. По крайней мере мне с ними так не весело, что я приказал человеку никого не принимать».

Визитеры мешали писателю. Ему нужно было привести в порядок дорожные записи, разбить их на главы и отправить в редакцию газеты «Новое время». Только наложив «вето» на вход в номер, он мог взяться за работу.

Чехов обработал свои дорожные записи и отправил их на почту, но ехать ему было еще нельзя: дороги напоминали гущу от черного кофе.

Однажды поздно вечером Антону Павловичу доложили, что его срочно хочет видеть чин городской полиции.

— Петр Аршаулов, помощник полицеймейстера, — прямо с порога отрекомендо-

вался бравый офицер в шинели стального цвета.

Аршаулов оказался любителем литературы и даже, как он сказал, писателем. Еще в день своего приезда в Томск Антон Павлович читал в местной газете загадочную эпиграмму:

«Удивительный пример,
Хоть бы и не к роже:
Полицейский офицер
И писатель тоже».

Герой этой эпиграммы — «полицейский офицер и писатель тоже» сидел сейчас перед Чеховым и рассказывал, как он, сочетая служебное рвение с творческим порывом, написал драму из жизни уголовного мира. Затем Аршаулов с'ездил домой за драмой, но читать ее не стал, а «угостил» хозяина номера рассказом «Чайные грабители».

— Тем иных нет, — жаловался полицейский. — Ведь наш Томск — передверье каторги. В тюрьме сейчас находится около двух тысяч арестантов, да в пересыльном замке столько же. Кроме того, получили замечание, что с первыми тремя пароходами пришлют из России еще две тысячи двести арестантов. Вот вам и население для целого уздного городка!

Аршаулов показал Чехову самородок сибирского золота, зачитал копию прошения на высочайшее имя о разводе с женой, попросил водки и расклатался.

...Весна брала свое. Небо стало ярко голубым. На тополях как-то сразу набухли почки. Над куполами старого собора весело носились ласточки.

Двадцать четвертого мая Чехов покинул Томск. Накануне отъезда в письме к Суворину он вынес городу приговор: «Томск город скучный, нетрезвый... бесправие азиатское».

Иного писателю сказать не мог. Он видел, что в пузатых купеческих особняках, в белых домиках обывателей царили скука, праздность, стяжательство и пошлость.

Чехов мечтал о большом человеческом счастье. В повести «Три года» он восклицает устами молодого ученого Ярцева: «Знаете, я с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хотелось бы дожить, самому участвовать».

Октябрьская революция принесла это торжество правды. Советская власть отменила приговор, вынесенный старинному городу великим писателем. Томск стал городом ученых и студентов, одним из центров социалистической культуры в Западной Сибири.

Евг. ПОПОВ.

г. Томск.